УДК 81'373
ББК Ш106.3 *ГСНТИ 16.01.33* *Код ВАК 10.02.00*

П. Зэмшал **P. Zemszal**
Торунь, Польша Torun, Poland

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ

Аннотация. *Понятие идеологемы кажется, особенно польским языковедам, достаточно загадочным и употребляется крайне редко. С одной стороны, оно представляется близким по значению к таким метафорическим определениям и терминам, которые называются słowa sztandarowe — это слова, появляющиеся на знаменах, коллективные символы, социально-политические понятия, фундаментальные лозунги, пароли, доминирующие символы. С другой стороны, идеологема — более точный термин, так как относится к определенному типу дискурса. Слишком широкая трактовка этого термина ставит под сомнение необходимость его использования, в связи с чем целесообразно сузить, уточнить его значение. Кроме того, предлагается методика выявления идеологемного характера отдельных лексических единиц.*

Ключевые слова: *идеологема; советский идеологизированный дискурс; новояз; социологические и политические термины.*

A FEW WORDS ON THE TERM "IDEOLOGEME"

Abstract. *The term "ideologeme" seems to be close to phrases and terms such as banner words, collective symbols, social and political terms, constitutive slogans, key words or dominant symbols. Indirectly it refers to a specific type of a discourse, i.e., the ideological discourse. Too wide approach to any term questions the relevance of its use. Therefore, its meaning should be precisely specified, or at least, criteria for classifying terms as belonging to the ideologeme group should be established. The article proposes a method which by assuming a relatively narrow understanding of the term itself prevents intuitive dividing of the lexis into ideologemic and non-ideologemic.*

Key words: *ideologeme; soviet ideological discourse; newspeak; social and political terms.*

Сведения об авторе: *Зэмшал Петр, кандидат филологических наук, адъюнкт, кафедра славянской филологии.*

Место работы: Университет Николая Коперника в Торуни.

About the author: *Piotr Zemszal, Ph.D., Assistant Professor, Departament of Slavonic Philology.*

Place of employment: Nicolaus Copernicus University.

Контактная информация: *87-100, Poland, Torun, Fosa Staromiejska 3.*
e-mail: pietruszka@wp.pl.

Одной из наиболее существенных характеристик идеологического дискурса советской эпохи является однозначность выражаемых оценок. В текстах так называемого новояза наблюдается идеологически мотивированная поляризация лексики. Андрей Романенко усиливает это положение тем, что оценка в советском дискурсе имеет гипертрофированный характер, т. е. она охватывает всю знаковую систему [Романенко 2000: 74]. Использование языка как орудия воздействия на социум основывается именно на его аксиологической функции, а цель отправителя сообщения — заставить получателя принять желаемую точку зрения [Fidelius 1984: 76].

Второй немаловажной чертой советской идеологизированной коммуникации является своего рода смешение двух типов аксиологических категорий — идеологических и универсальных. Категории, которые принято называть идеологическими, являлись доминантными. Хорошим, красивым и верным должно было быть все, что соответствовало господствующим идеологическим установкам, плохим, уродливым, вредным и неверным оказывалось все, существующее вне этой парадигмы.

Идеологическая оценка часто выражается прямо, с помощью идеологически маркированных лексических единиц, которые иногда определяются как идеологемы. Функции этого понятия соотносимы именно с теми единицами дискурса, которые определяют его идеологический характер. Понятие идеологемы, особенно польским языковедам, кажется достаточно загадочным, оно употребляется крайне редко. С одной стороны, оно кажется близким по значению к таким метафорическими определениями и терминам, как *słowa sztandarowe* (это слова, появляющиеся на знаменах [Pisarek 2002], *коллективные символы* [Fleischer 2003], *социально-политические понятия* [Molas 2007], *фундаментальные лозунги* [Wróblewski 2006], *пароли* [Бодрийяр 2006], *доминирующие символы* (*key symbols* [Turner 1967])). С другой стороны, термин «идеологема» точнее, так

© Зэмшал П., 2014

как относится к конкретному типу дискурса. В течение последних двух десятилетий понятие идеологемы, которое восходит к работам М. Бахтина [Малышева 2009: 32], прочно обосновалось в русской политической лингвистике и стало чуть ли не ключевым термином в исследованиях идеологизированной коммуникации.

Е. Н. Ширяев вслед за Н. А. Купиной определяет идеологемы как единицы, «которые подчиняют семантику группирующихся вокруг них слов» [Ширяев 1997: 18]. Примером так понимаемой идеологемы является прилагательное *большевистский,* которое в идеологизированных высказываниях доминирует над другими словами в словосочетаниях типа *большевистская бдительность, большевистская мобилизованность, большевистские темпы работы.* В свою очередь, Г. Ч. Гусейнов определяет идеологему с точки зрения ее функции как минимальную значимую единицу, которая организует идеологическое сознание, придерживаясь вслед за Н. А. Купиной мнения о том, что идеологема является «знаком или устойчивой совокупностью знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного — правильного мышления и безупречного поведения — и предостерегающих их от недозволенного» [Гусейнов 2003: 12]. О словах-идеологемах А. П. Романенко пишет: «Единицы нашего описания — это не слова, а семантические гнезда: объединенные одной семой разные формы, разные части речи, однокоренные и неоднокоренные слова» [Романенко 2000: 75]. Наконец, Михаил Эпштейн определяет идеологемы как слова, содержащие неразделимые комбинации дескриптивных и оценочных смыслов, которые нельзя интерпретировать вне контекста [Epstein]. Этому подходу к идеологеме близки взгляды Тимура Радбиля, который воспринимает идеологему как средство аксиологизации сообщения [Цит. по: Малышева 2009: 34]. Сходную точку зрения высказывает Виктор Тёрнер, говоря о доминирующих символах как основном факторе, формулирующем сознание [Turner 1967].

Языковеды нередко определяют идеологемы как класс лексических единиц, непосредственно связанных с идеологией [Малышева 2009: 34]. Тем не менее целесообразным кажется воспринимать их как единицы довольно абстрактные, о чем свидетельствует тот факт, что они могут проявляться во множестве других, неязыковых форм (графические символы, музыкальные произведения и т. п. [Гусейнов 2003; Малышева 2009]). С лингвистической точки зрения идеологема лишь проявляется как языковая реализация единицы высшего уровня [Купина 2008]. К категории ценностей (т. е. явлений сверхлингвистических) относит идеологему А. Мирошниченко [Мирошниченко 2008: 179—180], предлагая также разделить когнитивную и языковую сферу через употребление разных терминов — идеологемы и относящейся к языку лингвемы. Стоит подчеркнуть, что исследователь воспринимает идеологему как аксиологизированную единицу вообще, т. е. идеологемами, по его мнению, являются такие понятия, как *забота, благополучие, закон, сотрудничество, время* [Мирошниченко 2008: 179—180] (ср. «идеологемы» О*лимпиада, спорт* [Малышева 2009: 34]).

Слишком широкая трактовка термина, на наш взгляд, ставит под сомнение его необходимость. В связи с этим целесообразным представляется точное определение объема его значения. Мы предлагаем трактовку идеологемы и ее языковых проявлений не как единиц, «отсылающих» к идеологии или просто «связанных» с ней, а как единиц, определяющих идеологическую специфику мышления и текста, их своего рода дистинктивные признаки. Связанными с идеологией могут считаться многие понятия, которые сами по себе не являются идеологическими, например в советском дискурсе — слова *болтун* («тот, кто разглашает тайну, секретные сведения» [Мокиенко, Никитина 1998]), *бдительность* (в первую очередь — *большевистская*, *революционная), колхоз* (как элемент советской действительности, а не колхозная система как понятие, содержащее идеологическую составную коллективизма). В свою очередь, слова типа *большевик, коммунизм, марксизм* обозначают фундаментальные понятия идеологии. Именно такие понятия (не лексемы, которые являются лишь их языковыми проявлениями) я предлагаю считать идеологемами. Остальные единицы, которые лишь «отсылают» к идеологии, следовало бы тогда определить как идеологизированные, или идеологически маркированные. Альтернативным выходом могла бы стать классификация широко понимаемых идеологем по признаку степени идеологической нагрузки. В таком случае понятия *болтун* и *коммунизм* уже на первый взгляд принадлежат к совершенно разным классам. Однако такая классификация являлась бы совершенно интуитивной (о других попытках классификации идеологем см.: [Малышева 2009: 36—37]). Следует подчеркнуть, что предложенный подход не так уж сильно ограничивает общий набор идеологем, поскольку любое более или менее абстрактное понятие обладает способно-

стью становиться идеологемой в определенном контексте существующей или даже возможной идеологии.

Однако, как бы ни интерпретировали анализируемое понятие, большинство исследователей одним из его основных признаков считают оценочность. Следует добавить, что языковые репрезентации идеологем в речи сторонников той или иной идеологии всегда положительно маркированы, а в речи их антагонистов — отрицательно. Сошлемся на классификацию идеологем А. П. Чудинова, который считает, что есть идеологемы, которые проявляются лишь в высказываниях сторонников данной идеологии [Чудинов 2007: 93]. Эти же идеологемы в цитатах могут приобретать ироническую, отрицательную оценочную окраску. Автор приводит пример понятийной пары: *страны народной демократии* и *советские сателлиты,* причем первое из названных понятий приписывается советскому политическому дискурсу, а второе — языку диссидентов. Об этом явлении писал в свое время польский лингвист Л. Беднарчук, который определил его как *бинарную эмоциональную квалификацию,* ср.: *партизан* vs *бандит* [Bednarczuk 1985: 31].

Возможно, предположение о том, что одни и те же идеологемы могут проявляться в разных идеологических дискурсах, меняя при этом свою оценочность, даст возможность исключить интуитивность в идентификации единиц данного типа [См.: Pisarek 1989: 40] или, по крайней мере, станет основой методики проверки интуитивных решений исследователя. Прежде всего идеологии взаимно антагонистичны. Оценка, выражаемая идеологемой, зависит от мировоззрения отправителя, которое оказывает сильное влияние на аксиологию его высказываний. Ежи Молас предлагает следующую формулировку этой проблемы: «Вещи, явления, объекты подвергаются изменениям, которые сторонники идеологии X оценивают положительно. Я — сторонник идеологии Y, и в рамках моей ценностной системы я оцениваю эти изменения и/или их поддержку отрицательно» [Molas 2007: 60].

Перейдем к примерам, демонстрирующим практическое применение предлагаемой методики. В воспоминаниях Нестора Махно (Н. Махно. Воспоминания. 1929) [Цит. по: НКРЯ] лексема *большевистский,* которую интуитивно считают идеологемой, приобретает отрицательную оценочную окраску [1]: *Не все собрались: самого главного не было — большевика Лепика, которому уже тогда, за кулисами, в* ***большевистских*** *кулуарах* [2]*, был предназначен пост председателя чеки, но от нас это пока скрывалось*. Однако очевидно, что в высказываниях членов партии и сторонников большевиков эти слова однозначно положительно маркированы, например: *Транспортная общественность до сих пор слабо мобилизована, не взяла еще* ***большевистских*** *темпов в работе, не чувствует всей важности задачи, стоящей перед транспортом* (Боевые задачи транспорта // Знамя. 1930) [НКРЯ]. Похожие изменения оценочности наблюдает Андрей Соколов в случае словарных статей *коммунизм* и *социализм,* которые в дореволюционной официальной лексикографии имели негативно-оценочную маркировку [Соколов 2000: 235].

Возможно, сравнение одних и тех же позитивно и негативно окрашенных лексем является простым способом дать предварительную интерпретацию лексемы как идеологемной. Но есть слова, которые нельзя проверить таким способом. К ним относится, например, лексема *колхоз* (как реальный компонент советской действительности, а не колхозная система вообще), которая может употребляться как с положительной, так и с отрицательной окрашенностью (ср.: *Кто раньше вступил в* ***колхоз****, тот лучше живет* (Я. Фоменко. Хутор за Третьяковцами // Огонек. 1956. № 49) [НКРЯ] и *В Татарии — глушь,* ***колхоз,*** *грязь и т. д.* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1941) [НКРЯ]). Но интуитивно мы ощущаем существенное снижение идеологической нагрузки по сравнению с такими словами, как *коммунизм, социализм* и под.

Как говорилось ранее, одной из бесспорных характеристик идеологемных слов является их оценочность. Она позволяет определить идеологемный или неидеологемный характер лексемы и в рассматриваемом случае. Идеологемные единицы, употребляемые сторонниками или противниками идеологии, всегда или положительны, или отрицательны. Трудно представить, что идеологемное слово, будучи своего рода ценностным ориентиром, способно менять свою оценочность или даже сочетаться с не соответствующим оценочным определением. Так, в советском идеологическом дискурсе немыслимы формулировки типа *плохой коммунизм* или *гнусный социализм.* Такие системы просто не считаются коммунизмом или социализмом. В свою очередь, оставаясь в рамках этого дискурса, нельзя, кроме иронически окрашенных высказываний, говорить о *честных империалистах, хороших фашистах* и т. д.

Сказанное обусловливает второй шаг предлагаемой методики тестирования. Этот шаг сводится к проверке, возможны ли, кро-

ме положительно окрашенных, неиронические и нецитатные употребления негативно-оценочных лексем в рамках одного и того же дискурса. Если они возможны и засвидетельствованы в источниках, тогда исследуемую лексему нельзя считать идеологемным словом, потому что идеологема, как часть определенной и относительно стабилизированной парадигмы мышления, не меняет своей аксиологической маркированности, а идеологемные слова не способны выступать в словосочетаниях типа *гнусный социализм,* оставаясь в пределах родного дискурса.

В случае рассматриваемой лексической единицы *колхоз* возможны употребления обоих типов. Положительную маркированность мы наблюдаем в следующем примере:

Познавайте свою страну, свой край, свой ***колхоз,*** *свою горушку или речонку!* (А. Е. Ферсман. Воспоминания о камне. 1940) [НКРЯ].

Однако вполне возможны и такие употребления, при которых денотатам, манифестируемым с помощью исследуемой лексемы, приписываются отрицательные качества: *Но, товарищ Кузькин, почему у вас такой* ***плохой колхоз?*** (Б. А. Можаев. Живой. 1964—1965) [НКРЯ]; *Учитель приезжает в* ***развалившийся колхоз,*** *разоблачает окопавшихся там врагов...* (И. Гринберг. Новые пьесы. «Учитель» С. Герасимова // Советское искусство. 1939. № 11 (591)) [НКРЯ].

Подобные употребления в рамках идеологического дискурса советского периода невозможны в случае таких лексем, как *социализм* или *коммунизм*. Нам представляется, что это различие может быть основой деления лексем на идеологемные и неидеологемные.

Изложенная выше методика базируется в первую очередь на довольно узком понимании идеологемы не как когнитивной единицы, «связанной» с идеологией или «отсылающей» к ней, а как фундаментальной единицы идеологического мышления, отражающей мировоззренческую идентичность сторонников данной идеологии. Она опирается и на предположение о том, что отдельные идеологии противопоставлены друг другу, т. е. представляют собой разные ценностные системы, имеющие речевые и текстовые репрезентации посредством идеологемных единиц. Явления, которые определяются с помощью этих единиц, оцениваются по-разному в зависимости от идеологической принадлежности отправителя сообщения, но в рамках одного и того же дискурса они становятся аксиологическими константами. Такой подход может показаться слишком ограниченным, однако он позволяет уменьшить долю интуиции при делении лексики на идеологемную и неидеологемную.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Предположение об отрицательной оценочности в случае приведенного примера является следствием принятия точки зрения Я. Пузыниной, которая выделяет два основных вида оценочности слов — оценку, содержащуюся в семантической структуре слова, и оценочность коннотативного характера [Puzynina 1992: 119—120]. Возможность менять выражаемую данной единицей оценку (в зависимости от контекста) обусловлена отсутствием аксиологических сем в их семантической структуре; ср.: *Вид ваше превосходительство, подозрительный,* ***большевистский,*** *нельзя доверять, может быть, там в букете бомбы* (А. С. Сорокин. *Сибирь — не Черное море*. 1920—1927) [НКРЯ].

[2]. Употребление слова *кулуары* указывает на отрицательно оцениваемую скрытость действий, которая, как кажется, в приведенном примере приписывается именно большевикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург : У-Фактория, 2006.

2. *Гусейнов Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2003.

3. *Купина Н. А.* Вербализованные идеи новейшего времени: актуальные тенденции и познавательные знаки советского идеологического кода. URL: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1847/1/Part2+2008-01.pdf (дата обращения: 07.10.2011).

4. *Малышева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30), URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling30/ling_30_3.pdf (дата обращения: 08.11.2011).

5. *Мирошниченко А. А.* Конструирование предвыборного лозунга: идеологемы и ценности // Słowo i tekst. — Katowice : Wydawnictwo UŚ, 2008. T. 1 : Funkcjonowanie języka.

6. *Мокиенко Б. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.

7. *НКРЯ* = Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru.

8. *Романенко А. П.* Образ ритора в советской словесной культуре. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.

9. *Соколов А. Н.* Терминология социального утопизма в опыте русской лексикографии // Философский век. Русская утопия. От идеологического государства к современному обществу. — СПб. : St.Petersburg Center for History of Ideas, 2000. URL: http://ideashistory.org.ru/pdfs/a12.pdf (дата обращения 12.11.2011).

10. *Ширяев Е. Н.* Общие процессы в развитии русского языка в 1945—1995 гг // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский Язык. — Opole : Uniwersytet Opolsk, Instytut Filologii Polskiej, 1997.

11. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2007.

12. *Bednarczuk L.* Nowo-mowa. Zarys problematyki i perspektywy // Nowo-mowa : materiały z sesji naukowej poświęconej problemom współczesnego języka polskiego odbytej na Uniwersytecie Jagiellońskim w dniach 16 i 17 stycznia 1981. — Londyn : Polonia, 1985.
13. *Epstein M.* Relativic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/ideo language1.html. (07.11.2011).
14. *Fidelius P.* O myśleniu totalitarnym // Aneks. 1984. Z. 35.
15. *Fleischer M.* Polska symbolika kolektywna. — Wrocław : Dolnośląska Szkoła Wyższa Edukacji Towarzystwa Wiedzy Powszechnej, 2003.
16. *Molas J.* Problemy opisu konfrontatywnego pojęć społeczno-politycznych // Lingwistyka a polityka : słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej. — Warszawa : Elipsa, 2007.
17. *Pisarek W.* Inauguracja Okrągłego Stołu jako akt medialnej komunikacji politycznej // Zeszyty Prasoznawcze. 1989. № 4.
18. *Puzynina J.* Język wartości. — Warszawa : PWN, 1992.
19. *Turner V.* The forest of symbols: Aspects of Ndembu ritual. — Ithaca, NY : Cornell Univ. Pr., 1967.
20. *Wróblewski R.* Hasła konstytutywne tekstów politycznych z lat 1989—95 // Oblicza komunikacji I. Perspektywy badań nad tekstem, dyskursem i komunikacją. — Kraków : Tertium , 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р гуманит. наук, проф. С. Гжибовский.